

Особенности эмотивной номинации в творчестве современных англоязычных писателей и способы художественного перевода неологизмов

Стрельницкая Екатерина Владимировна

Соискатель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Большинство лингвистов разделяют мнение, что эмоции являются важнейшим фактором, способствующим лексической и семантической динамике языка. Базовая составляющая лексической динамики языка есть рождение в нем новых слов, обусловленное дефицитом в общенародном языке лексического материала для передачи определенного чувства, эмоции или мысли. Это явление вполне закономерно: еще в середине прошлого века Л.С. Выготский отмечал отсутствие тождественности между мыслью и ее словесным излиянием, а также очевидный недостаток языковых средств для воплощения всех возможных мыслительных и эмоциональных комбинаций, порождаемых человеческим мозгом [Слобин: 171]. Аналогичное мнение высказывал Ю.Д. Апресян, полагая, что язык мыслей и язык слов не совпадают друг с другом, и что осмысленные фразы, которые произносит носитель языка, являются своеобразным переводом с «языка мысли» на «язык слов», а понимание этой фразы другим человеком есть обратный перевод с «языка слов» на «язык мысли» [Апресян: 254]. Из наблюдений Л.С. Выготского и Ю.Д. Апресяна можно сделать вывод, что стремление как можно более точно перевести единицы «языка мысли» на «язык слов» побуждает субъекта привлекать, за не имением прочих, лексические и морфологические средства существующего «языка слов», при этом перестраивая и перегруппировывая их по-новому. В.И. Шаховский отмечает в этой связи: «Мотивами всех эмотивных номинаций являются: эмоции говорящих (психологический мотив), стремление по-новому, оригинально и потому экспрессивно обозначить объекты отражения (прагматический мотив), игра с языком (стилистический мотив). Кроме того, эмотивная номинация объясняется нехваткой словарных единиц для выражения разнообразных эмоциональных отношений применительно к бесчисленным эмотивным ситуациям (мотив необходимости заполнения эмотивных лакун в языке)» [Шаховский: 139].

На фоне большинства современных языков английский язык является одним из самых активных «генераторов» лексических новинок. Эта закономерность отчетливо прослеживается в творчестве современных англоязычных писателей и наиболее ярко проявляется в описаниях эмоционального состояния персонажей.

Проведенное исследование, в основу которого легло сопоставление англоязычных текстовых отрывков, содержащих неологизмы, с их официальными переводами на русский язык показало, что:

1. Английский язык по сравнению с русским проявляет большую терпимость к авторским неологизмам. На русский язык неологизмы обычно переводятся описательно – словосочетаниями, предложениями или фразеологическими клише. За счет этой особенности английские эмотивные высказывания характеризуются компактностью и емкостью по сравнению с их переводами на русский:

So I Nureyeved the front steps (J. Barnes, Talking it Over) – Затем я легко, как Нуриев, вспорхнул по ступеням крыльца (Пер. И. Бернштейн).

2. В качестве средства эмотивной номинации англоязычными авторами наиболее часто задействуется конверсия и интеграция словосочетания в сложнопроизводный эмотив. По нашим наблюдениям, неологизмы этого типа в большинстве случаев используются английскими авторами для выражения неприязненного, пренебрежительного, насмешливого или умильно-снисходительного отношения персонажа к происходящим событиям или другим персонажам, а также для передачи свойственного персонажу (как правило, одному из главных героев) шуточного, игривого тона:

*And she gave him her stupid listen-to-me laugh (J. Fowles, *The Collector*) – И она издала глупенький смешок, словно бы говоря: «Ах, послушать только, что я такое мелю!» (Пер. И. Бессмертной).*

3. Как видно из вышеприведенных примеров, переводчики избегают введения неологизмов в русский текст, предпочитая заменять английские неологизмы либо близким по смыслу общеупотребительным русским словом, либо – чаще – целой фразой, передающей суть неологизма. Однако в последнее время прослеживается и другая тенденция: нередко, «вдохновляемые» емким и выразительным англоязычным оригиналом, переводчики начинают смелее обращаться с русским языком и переводят неологизмы неологизмами.

*I pedalled the cycle of fear faster and faster as Hubert failed to hubert (T. Fisher, *The Thought Gang*) – Я раскручивал педали страха все быстрее и быстрее, ибо у Юбера случился очередной «юбертатный период» – он исчез (Пер. А. Нестерова).*

Надо отметить, что данная тенденция в большей степени характерна для перевода специфической литературы, отличающейся нетрадиционным стилем повествования и (как правило) фантастическим или фантазмагорическим сюжетом (Т. Фишер, С. Фрай, У. Селф и т. п.).

Таким образом, рассуждая об оптимальном способе перевода неологизмов, можно предположить, что главным ориентиром для переводчика должен быть стиль оригинального текста. При переводе более традиционного повествования, возможно, стоит воздержаться от чересчур смелых лексических экспериментов и перевести неологизм описательно, учитывая, что русский язык менее «морфологически либерален», чем английский, и новое слово, органично вписывающееся в структуру английского предложения, может придать его русскому эквиваленту неуместную комичность или вычурность. Однако если автор подлинника сам задает переводчику более свободный тон, задача переводчика – как можно более творчески подойти к русскому языку. Ведь русский, будучи языком синтетическим, по природе своей обладает ничуть не меньшим (если не бóльшим) потенциалом построения новых слов и оборотов, чем английский.

Литература:

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

Слобин Д.И. Психолингвистика. М., 2006.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.